

ГЕНЕЗИС ПЕРМСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Проблема происхождения пермских глагольных парадигм имеет выход в контекст более общей проблемы эволюции языковых структур вообще, в связи с чем необходимо обратиться как к анализу системных закономерностей глоттогенеза, так и к анализу соответствующих типологически релевантных (тождественных или различных в финно-угорских языках) смысловых единиц-параметров, в нашем случае категорий глагола.

В общей картине становления глагола и глагольных парадигм гипотетически могут быть реконструированы два диалектически противоположных процесса, связанных с различными способами языковой концептуализации мира.

Как известно, в современных финно-угорских языках обнаруживаются следы доуральской неразделенности общей категории знаменательных слов на имя и глагол. Это обстоятельство позволяет предположить, что первоначально речевые конструкции имели монолитный характер (без дифференциации субъекта и предиката суждения), обозначая ситуацию в целом и ориентируя реципиентов на соответствующие действия. По мере усложнения языковой модели мира происходит аналитическое лексемное расчленение подобных абстрактных речевых комплексов на имена предметные, закрепляющие функцию выражения субъекта суждения, и имена признаковые, соотносимые с предикативной функцией раскрытия основных характеристик обозначенного субъекта. Одновременно идет синтетический процесс грамматизации оформляющихся единиц — определяются механизмы и правила соположения лексем в синтагме, т.е. морфологическая парадигматизация в эволюции языка опосредует взаимодействие семантики и синтаксиса.

Структурные потенции, заложенные в уральском праязыке, по-разному реализовались в современных финно-угорских языках, индивидуальным образом закрепивших значимый именно для конкретной языковой системы смысл. Каждый язык самоорганизуется для выражения новых значений путем трансформации уже имеющегося материала, “снятая” старые смыслы, поэтому для лингвистики весьма актуальной является задача фиксации ассоциативных связей между соотносительными концептами, способов “снятия” (преодоления и удержания) системных языковых противоречий и объяснения в этом контексте природы любого языкового феномена.

В языках агглютинативного типа морфологическая парадигматизация четко соотносится с аффиксацией. Согласно теории когнитивной релевантности, расположение аффиксов относительно корня иконически повторяет синтаксис семантического представления словоформы: чем важнее роль

категории в когнитивно-коммуникативном процессе, тем ближе к корню ее маркер (Bybbe, 1985; Кибрик, 1990). Для пермских языков подобная схема будет следующей:

корень — залог — время — наклонение — лицо-число
способ действия — “плавающая” категория
гиж-од-л-ом-а-ось, раз-од-ч-ышт-ал-и-с-ны, пук-сь-од-ал-ой.

Из этого следует, что грамматическая категория залога является наиболее значимой в речемыслительном процессе, поскольку оформляет устанавливаемые говорящим субъект и предикат суждения. Инвариантные модели субъектно-предикатного структурирования высказывания (залог) в пермских языках таковы: **актив — меди́й — рефлексив — каузатив**. Генетически исходной является оппозиция **актив — меди́й**, где центробежность признака противопоставлена разным вариантам нецентробежности, замкнутости признака сферой субъекта, субъектной соотнесенности, инактивности, стативности, инклюзивности, аутогенности, непереходности (Гухман, 1981). Усложнение ассоциативных связей, более адекватное и четкое отражение категорий и связей внешнего мира повлияло на перераспределение и формализацию смысловых элементов медиального континуума таким образом, что в его поле произошло оформление иных моделей соотношения субъекта и приписываемого ему предикативного признака. Рефлексив, к примеру, выражает ограниченность процесса сферой субъекта, но это смоделированная непереходность, центростремительность процесса, поскольку указание на объект имплицитно присутствует в семантике глагольной лексемы.

В прафинно-угорском языке оформление рефлексивных моделей связано с суффиксом **-β (*-w)* (Основы, 1974, с.361). В пермских языках рефлексивы маркируются суффиксом *-с'(-ч)*: *мысьыны, вурсьыны*. Встречаются примеры “расщепленной рефлексивности”, когда собственно рефлексивное значение сопровождается в некоторых случаях аспектуальным значением изменения меры бытия субъекта: *шырсьыны, кульсьыны*. Данный формант может быть возведен к прафинно-угорским **-ĉ (*-ĉ')* или **-ś*, получившим в ряде языков одинаковое развитие, вследствие чего его семантическое поле оказалось размытым и неоднородным. Лишь через канал передачи данным формантом семантики результативности (см. ниже об аспектуально-темпоральных корреляциях) можно очень осторожно выйти на предположение о маркировании этим элементом вначале только результативных рефлексивов, выражающих транспозицию субъекта в иное состояние (концепт меди́й), а впоследствии всех рефлексивных моделей, широко выражающих различные значения субъектной отнесенности процесса.

Согласно точки зрения Э.Бенвениста (1974, с.189), медиальный глагол может получать, как вторичное явление, форму актива. Результатом этого в отношении субъекта к процессу будет изменение, состоящее в том, что

субъект, становясь внешним по отношению к процессу, будет его действующим лицом (агенсиом), а процесс, лишившись субъекта как места своего осуществления, будет перенесен на другой член, ставший его объектом. Таким путем из среднего залога образуются активные формы, называемые транзитивными, каузативными, фактитивными и всегда характеризующиеся тем, что субъект, находящийся вне процесса, отныне управляет им как производителем, а процесс больше не сосредотачивается в субъекте и должен перейти на объект как на некоторую цель.

Пермские каузативы являются прекрасным материалом для иллюстрации этого положения, поскольку имеют четкую структуру и ясную семантику. Субъекту суждения каузативной конструкции приписывается такой предикативный признак, в структуре которого помимо эксплицитного предиката выражается также имплицитный предикат: субъект производит определенные действия с объектом (не важные для данного контекста, поэтому имплицитные), каузируя, давая возможность осуществиться тому процессу в объекте, который обозначен глагольной лексемой, т.е. мотивирующая глагольная лексема эксплицитирует тот образ действия, состояния, которое осуществится или возникнет в объекте в результате каузации.

Маркером каузатива в пермских языках является формант *-t(-d)*. Каузативы имеют общее значение “вызывать в объекте процесс, приобретение качества, состояния, указанного в мотивирующей основе”: *гудыртыны ва — ва гудыр* “совершить определенные действия с водой (имплицитные предикаты — погрузить что-либо в воду, мешать чем-либо и т.д.), каузивовавшие состояние объекта быть мутным, изменив предшествующую меру его бытия”; *чинтыны ва — ва чинö* “совершить определенные действия с водой (имплицитный предикат — лить и др.), каузируя состояние объекта убавиться, изменив предшествующую меру его бытия”. Указанные примеры демонстрируют вариант “расщепленной каузативности”, когда собственно каузативное значение совмещается с аспектуальным значением изменения качественно-количественной определенности объекта.

Касаясь природы каузативного форманта *-t* (общего практически для всех финно-угорских языков), Б.А.Серебренников высказывает предположение о его возможном происхождении от *-t*-ового указательного местоимения ближнего локального плана (Серебренников, с.336-337). С учетом того, что мотив каузации, побуждения, понуждения наряду с дейктической константой 2-го лица является элементом семантического континуума императива как древнейшей формы человеческой коммуникации (который, похоже, имел свой показатель), можно реконструировать резонансное наложение дейктических констант в императивных конструкциях типа *делай то ты* (ср.: уральские дейктики **-to* и **-tä* / **-ti-nä*) с последующей их грамматизацией.

Грамматическая категория времени возникает в языке под влиянием настоятельной необходимости локализовать субъекто-предикатную модель относительно момента речи. В коми языке выделяются: будущее, настоящее и прошедшее (состоящее из двух формализованных подсистем — простого и перфектного) времена.

Для финно-угорского языка-основы восстанавливаются три показателя времени: *-k (для презенса и футурума), *-j и *-ś (для претерита).

Очень прозрачные связи существуют между императивом, футурумом и отрицанием в пермских языках. Учитывая генетическую первичность императива, можно предположить, что суффикс -k первоначально оформлял императивные конструкции, реализация содержания которых относилась к плану следующего за моментом речи (будущего) времени. Можно предположить, что семантика его складывалась на основе ассоциативного моделирования говорящим виртуальной связи субъекта и предиката в плане требуемого осуществления подобной связи, в плане осуществления подобной связи в будущем, либо в плане отрицания подобной связи. Рефлексы показателя -k в пермских языках обнаруживаются лишь в сфере отрицательного вспомогательного глагола: *эг мун, ог лок.*

Показатель -j (-i) хорошо сохранился в пермских языках: *мыні, учки, -ś* утрачен. По мнению Б.А.Серебренникова, в прафинно-угорских восточных диалектах транзитивные глаголы получали суффикс -ś, интранзитивные — суффикс -j (Основы..., с.306). Впоследствии формант транзитивных глаголов воспринимался как суффикс, указывающий на определенный объект и на его основе в соответствующих языках началось формирование объектного ряда спряжения. Семантика активных конструкций подразумевает наличие объекта, преобразуемого в результате процесса и являющегося его внешним пределом *гижны висьт*. В этой связи суффикс -ś можно возвести либо к элементу дейктического слова (обобщившемуся из конструкций типа *сделал это*), ср.: уральские *-śi или *-śe, либо к суффиксу глагольного имени, выражавшему объект или результат действия. По-видимому, концепт результативности можно выделить в качестве основного в смысловом поле форманта -ś.

Второе прошедшее время, маркируемое суффиксом -ōm, является перфектным, т.е. выражает законченное действие, результат которого существует в настоящее время. Перфектное значение некогда функционировало в качестве особой формы медиа и обозначало состояние, установившееся в результате предшествующего действия; в перфекте субъект предстает как обладатель осуществленного действия, результированного в состоянии.

Формант -m в современном коми языке маркирует многообразные значения: перфектное прошедшее время, транспозитивный способ действия,

участвует в формообразовании существительных, прилагательных, различных глагольных форм, наделяя эти формы значением объекта и результата действия, орудия и места действия и состояния: *уджыс вóчõма* — результативное, перфектное действие; *толмыны* — результативное действие, фиксирующее изменение меры бытия субъекта; *карысь локтõ морт* — перфектное обозначение субъекта как обладателя результативного действия.

Возможно, финно-угорский формант **-т* имел секретивную природу (ср.: коми эм есть, имеется, фин. *on* < *ot*, вепс. *ота*, лив. *итт*, саам. *оавте*, морд. *улемс*, доперм. **ʒтз*), закрепив диффузную семантику пребывания в состоянии, обращения в состояние, качество при определяющем значении результативности этого процесса и стал широко участвовать в преобразовании исходных значений инфинитных форм, отглагольных имен, наречий. В этом случае подтверждается “панхроническое” структурное преобразование глагол состояния > перфект > неопределенное прошедшее (Kurylowicz, 1964).

Грамматическая категория наклонения предназначена для трактовки характера связи субъекта и предиката с точки зрения говорящего. Реальное приписывание субъекту предикативного признака возможно только в индикативе, нацеленном на формирование у собеседника того же образа описываемой ситуации. Императив, являясь древнейшей формой человеческой коммуникации, нацелен не на создание образа описываемой ситуации у адресата, а на вызывание у него непосредственных действий. В пермских языках противопоставлены **индикатив и императив**, в удмуртском оформилась особая форма — **кондиционал** *пукы-сал-мы*.

Для прафинно-угорского языка реконструируются три наклонения: индикатив — без материальных показателей, императив с маркером *-k*, кондиционалис с показателем *-ne*, о рефлексах *-k* речь шла выше, рефлекс *-ne* в пермских языках не обнаруживаются.

Грамматические категории лица и числа призваны соотнести участников отражаемой ситуации с участниками речевого акта, разместить субъект суждения в поле я-ты-третья лица. Специфика этих категорий заключается в завершении логического оформления связи субъекта и предиката, уточнении роли, места, количества участников предиктируемой ситуации. Суффиксы лица и числа глаголов в финно-угорских языках образовались от личных местоимений: личные форманты восходят к консонантным компонентам **-т*, **-l*, **-s* общепермских личных местоимений, маркер множественности субъектов связывается с местоименным элементом *-*n* (Основы... с.225, 286).

В пермских языках выявляется *-n*-овый суффикс 2-го лица, который является вторичным, пришедшим на смену *-l*-ового суффикса, за которым закрепилось выражение каузативного значения.

Семантико-словообразовательная категория способов действия вносит элементы дополнительной квалификативной номинации в моделируемый говорящим языковой образ действия, цель категории способов действия — уточнение информации о предикативном признаке.

Первоначально значение деривационных суффиксов глаголов находилось в очень тесной связи с лексическим значением глагольных основ и было ориентировано на их уточнение и конкретизацию. Впоследствии происходит отвлечение от лексического значения, улавливается деривационная идея, а система языка приобретает средства для выражения способов представления действия.

Транспозитивный способ действия вносит в приписываемый субъекту суждения предикативный признак дополнительные характеристики обретения субъектом (или объектом) новой меры бытия (новой качественно-количественной определенности). Представлен словоформами с суффиксами *-м*, *-сь* (*-зъ /-дз*), *-т(-д)*, семантика которых уже была проанализирована.

Дистрибутивный и темпоральный способы действия соответственно определяют приписываемый субъекту процессуальный признак по критериям его пространственно-временной направленности и субъект-объектной отнесенности и по критериям его реализации в условных временных рамках, которые представлены словоформами с суффиксами *-ал /-л*, *-лывл*. В прафинно-угорском языке суффикс **-l* употреблялся особенно часто для выражения длительно-повторного действия (в отглагольном словообразовании). Данный формант мог иметь секретивную природу происхождения, восходя к фонетическому элементу глагола состояния (ср.: к. *лоны* быть, *стать*, морд. *улемс*, мар. *лияш*, ф. *lie-*, саам. *let*, венг. *lev*, доперм. **[ē]*), и обладая ассоциативной семантикой обозначения определенного времени пребывания в состоянии, пространственно-временной дистрибуции процессуального признака.

Ограничительный способ действия выражает определение говорящим внутренней структуры процессуального признака в качественном или количественном аспектах по критериям меры и степени его проявления, дискретности и представлен словоформами с суффиксами *-ьшт*, *-овт*, *бст*, *-бвт*, *-бкт*. Суффиксы имеют сложную структуру, которая, по-видимому, объясняется морфонологическими процессами на стыке корня и суффикса. Так, сопоставив формы *гумовтны* — *гумлавны*, *кытшовтны* — *кытшлавны*, *воськовтны* — *восьлавны*, *шутёвтны* — *шутьявны*, *исковтны* — *иславны* и т. д., определяем, что при замене *-ал*-ового суффикса, несущего обобщенное дистрибутивно-темпоральное значение, на суффикс *-т* в корне появляется гласный и происходит чередование *-в /-л*. Аналогичная картина с суффиксом *-бст*: *тюрбстны* — *тюрзыны*, *члбстны* — *члзыны*, *рукбстны* — *руксыны*. Суффикс *-бвт*, похоже, является вариантом суф-

фикса *-овт*. В структуре суффикса *-ышт* можно также выделить два элемента, семантика первого затемнена (ср.: фин. *hauk-aht-aa* 'тявкнуть'), второй — элемент *-т*. Суффикс *-окт* может быть возведен к финно-угорскому **-kt*. Формант *-т*, наличествующий во всех суффиксах, можно возвести к каузативному *-т*, первоначально словоформы с этим суффиксом обозначали каузацию, значения меры и степени проявления процессуального признака, его дискретности — вторичны, возникли путем переосмысления семантического комплекса глагольная лексема — суффикс, ср. в немецком: первоначальное значение частицы *-ver* — *уничтожение, распад* после ее присоединения к глаголам с лексическим значением неблагоприятного исхода изменилось и стало восприниматься как выражение завершенности действия, впоследствии данная частица стала присоединяться в качестве показателя завершенности действия к словам, не имеющим отрицательного значения (Пауль, с. 112).

Литература

- Бенвенист Э. Общая лингвистика. - М., 1974.
- Гухман М.М. Историческая типология и проблема диахронических констант. - М., 1971.
- Кибрик А.Е. Как или почему? (Об основном вопросе типологии) // Типология и грамматика. - М., 1990.
- Основы финно-угорского языкознания. - Т. 1. - М., 1974.
- Пауль Г. Принципы истории языка. - М., 1960.
- Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. - М., 1963.
- Vybbe J. Diagrammatic iconicity in stem inflection relations // Iconicity in syntax. - Ams., 1985.
- Kurylowicz J. The inflectional categories of Indo-European. - Heidelberg, 1964.